

Фронтовики из сектора феодализма

Никитин Н.И.¹

Аннотация. Автор рассказывает о своих коллегах, работавших в секторе феодализма Института истории СССР АН СССР, прошедших тяжелую дорогу Великой Отечественной войны - Александре Александровиче Преображенском, Илье Андреевиче Булыгине, Александре Исаевиче Юхте и Льве Никитиче Пушкарёве, их фронтовых подвигах, полученных наградах, воспоминаниях.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, фронтовики, Институт истории СССР АН СССР, воспоминания, А.А. Преображенский, И.А. Булыгин, А.И. Юхт, Л.Н. Пушкарёв.

Veterans of feudalism sector

Nikitin N.I.¹

Abstract. The author talks about his colleagues who worked in the feudalism sector of the Institute of History of the USSR Academy of Sciences of the USSR, who went the hard way of the Great Patriotic War - Alexander Alexandrovich Preobrazhensky, Ilya Andreyevich Bulygin, Alexander Isaevich Iukht and Lev Nikitich Pushkarev, their wartime exploits, received awards, memoirs.

Keywords: The Great Patriotic War, veterans, feudalism sector, the Institute of History of the USSR Academy of Sciences of the USSR, memories, A.A. Preobrazhenskii, I.A. Bulygin, A.I. Iukht, L.N. Pushkarev.

¹*Никитин Николай Иванович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН. ул. Дмитрия Ульянова, 19, 117036, г. Москва, Российская Федерация.*

Nikitin Nikolay Ivanovich. Candidate of Science (History), a leading researcher at the institute of Russian History RAS. Dmitria Ulyanova str. 19, 117292, Moscow, Russian Federation.

E-mail: nikitin.46@mail.ru

© Н.И. НИКИТИН

Я – типичный представитель послевоенного поколения: родился через год после Великой Отечественной войны в небольшом подмосковном городке и с самых юных лет воспринимал как нечто нормальное и обыденное тот факт, что все мужчины вокруг меня – и соседи, и школьные учителя, и друзья-знакомые моих родителей, и просто встречавшиеся на улице – все были на войне. О своём боевом прошлом они говорили редко, мало и, чувствовалось, без особой охоты, а до 9 мая 1965 г. (когда День Победы впервые на моей памяти отмечался на самом высоком уровне) медалей и орденов и даже заменявших их «планок», как правило, не надевали. Короче говоря, долгое время, в моих глазах, участники войны ничем не выделялись из общей массы сограждан.

Однако по мере взросления отличительные черты ветеранов становилось для меня всё заметнее, и дело было не только в возрастных особенностях, не только в том, каким песням или танцам, какому куреву и какой одежде отдавали предпочтение бывшие фронтовики или какие выражения чаще всего употребляли в разговоре. Сами жизненные принципы участников войны выглядели не такими, как у большинства тех, кто «не нюхал пороху», кто не застал военного лихолетья. Стало заметно, что прошедшие горнило войны умели, как никто, ценить самые простые земные радости, привыкли довольствоваться малым, обычно были крайне неприхотливы в быту и, что особенно важно отметить, очень добросовестно относились к порученному делу.

Годам к 20-ти я уже практически безошибочно «вычислял» фронтовиков в своём ближайшем окружении, и когда в ноябре 1970 г. переступил порог Института истории СССР АН СССР в качестве аспиранта «феодалного» сектора, то довольно быстро догадался (а вскоре и точно узнал), кто из трёх десятков его сотрудников является участником войны. Их было четверо – Александр Александрович Преображенский (мой научный руководитель), Илья Андреевич Булыгин, Александр Исаевич Юхт и Лев Никитич Пушкарёв. Они в то время находились в расцвете творческих сил (у историков он обычно наступает в более «зрелом» возрасте, чем у представителей «точных наук») и уже являлись признанными специалистами в избранных ими областях отечественной истории. А.А. Преображенский и Л.Н. Пушкарёв только что защитили

докторские диссертации, а И.А. Булыгин и А.И. Юхт работали над их завершением.

А.А. Преображенский был известен, прежде всего, как историк Урала и Сибири, но успешно разрабатывал и другую проблематику. Он внёс важный вклад в изучение генезиса капитализма и складывания абсолютизма в России, в освещение истории классовой борьбы в феодальную эпоху, в исследование истории русского крестьянства, рабочего класса и купечества. Наряду с написанием капитальных монографий и статей, Александр Александрович активно участвовал в издании исторических документов, в подготовке многих коллективных трудов, регулярно выходявших в 1950–1990-е гг., а также работ, относящихся к жанру научно-популярной и учебной литературы. Много времени ему пришлось уделять научно-организационной работе – в качестве учёного секретаря сектора, члена Учёного совета Института, заместителя главного редактора журнала «История СССР» и, наконец, в должности заведующего сектором феодализма, занимая которую в течение 14 лет, он имел возможность постоянно проявлять по отношению к коллегам свои самые лучшие человеческие качества – деликатность, чуткость, доброжелательность. Именно эти черты его характера – наряду с глубокой эрудицией – привлекали к Александру Александровичу аспирантов, соискателей, да и всех, кто хотел получить от него консультации по тем или иным вопросам отечественной истории [1].

Близким другом и единомышленником А.А. Преображенского был И.А. Булыгин, посвятивший основную часть своих исследований аграрной проблематике и в первую очередь – истории монастырских крестьян. Важное место в его творчестве занимали также источниковедение и археография. Научно-исследовательскую работу в стенах нашего Института Илья Андреевич долгое время успешно сочетал с преподаванием на Историко-филологическом факультете Российского университета дружбы народов и оставил о себе у студентов самую добрую память. Они особо отмечали прекрасное знание им преподаваемого предмета и умение заинтересовать аудиторию, находить с ней контакт, а также то, что высокая требовательность к качеству выполняемых работ и принципиальность сочетались у Ильи Андреевича с постоянной готовностью помочь в решении возникающих проблем и неизменной доброжелательностью [2]. Те же черты характера,

как и редкое добродушие, располагали к И.А. Булыгину и его институтских коллег – при всех разногласиях и трениях, которые не могли время от времени не возникать в столь крупном и сложном подразделении, как наш сектор феодализма...

А.И. Юхт вступил на стезю академической науки позднее своих коллег-фронтовиков, но очень быстро проявил себя как талантливый исследователь, обладающий удивительной работоспособностью. Он внёс огромный вклад в изучение истории торговых связей России со странами Востока в XVIII в., а также истории денежного обращения, монетного дела и финансов России того же периода. Много времени Александр Исаевич уделил исследованию различных сторон деятельности В.Н. Татищева, введя в научный оборот целый ряд уникальных источников, связанных с именем этого выдающегося государственного деятеля. Параллельно с научными изысканиями А.И. Юхт вёл большую научно-организационную работу. До прихода в Институт истории СССР он возглавлял редакцию исторической литературы в издательства «Наука», а находясь в Институте, долгое время являлся заместителем главного редактора академического издания «Исторические записки» [5. С.275–289]. В общении с людьми Александр Исаевич был предельно демократичен и подкупающе прост, что лишь добавляло ему уважения коллег, особенно молодёжи.

Л.Н. Пушкарёв являлся крупным специалистом по истории русской культуры и общественно-политической мысли, а также признанным источниковедом. Его интересовал прежде всего духовный мир человека, и Лев Никитич внёс большой вклад в изучение творчества таких знаковых фигур России XVII в., как писатель, поэт и богослов Симеон Полоцкий, философ, историк и публицист Юрий Крижанич, и, кроме того, стал одним из первых в нашей стране исследователей проблем российского менталитета. Льва Никитича отличало исключительно внимательное и корректное отношение к людям, а за порой строгим выражением лица и сдержанными манерами скрывалась неизменная доброта и благожелательность, и потому аспиранты считали для себя большой удачей, если принимать экзамены у них должен был Л.Н. Пушкарёв. Нельзя не отметить и его поэтический дар: стихи Льва Никитича – как шуточные, сочиняемые специально для коллег, так и серьёзные, затрагивающие в том числе и фронтовую тему, пользовались неизменным успехом в нашем коллективе.

До 1990-х гг. неотъемлемой частью институтской жизни была и так называемая общественная работа, порой отнимавшая у сотрудников столько сил и времени, что оказывалась сопоставимой с трудозатратами по выполнению плановых заданий. Наши фронтовики и к ней относились серьёзно и, когда их избирали в парткомы, профкомы, во всякого рода комиссии или привлекали к чтению лекций для массовой аудитории, – всегда добросовестно выполняли свои обязанности и даже усматривали в такого рода деятельности что-то полезное для себя. Как вспоминал А.А. Преображенский, активное участие в общественной жизни «учёбе и работе... не слишком содействовало», но дисциплинировало, учило «не отсиживаться и не отмалчиваться, а занимать определённую позицию. Если угодно, – добавлял Александр Александрович, – я считаю общественную работу школой принципиальности» [5. С. 300–301].

Военные биографии наших секторских фронтовиков мне известны, к сожалению, в разной степени и лишь в самом кратком изложении.

А.А. Преображенский из-за слабого зрения не подлежал призыву, но в 1943 г. ушёл на фронт из 10 класса ставровской средней школы (что во Владимирской области), обманув медкомиссию – заранее выучил таблицу, по которой окулисты проверяют зрение. Воевал он недолго, но это были бои на Курской дуге, после которых из всей роты, где служил рядовой Преображенский, в живых осталось лишь несколько человек, включая самого Александра Александровича. Он при этом был тяжело ранен и контужен, долго лежал в госпиталях, комиссован, после чего до конца войны трудился на Челябинском оборонном заводе и «без отрыва от производства» закончил с золотой медалью вечернюю школу. А осенью 1945 г. А.А. Преображенский уже стал студентом Московского историко-архивного института [1; 4].

И.А. Булыгин в августе 1941 г. попал в ряды Красной армии тоже со школьной скамьи (из г. Орехово-Зуево), но вначале оказался в г. Чкалове (Оренбурге) на курсах усовершенствования комсостава зенитной артиллерии, после окончания которых в июне 1942 г. в звании лейтенанта был направлен на Карельский фронт, в Заполярье, где воевал до 1945 г. и был ранен в одном из боёв. Демобилизовали Илью Андреевича лишь в мае 1946 г., а в сентябре того же года он

был принят на первый курс Московского историко-архивного института [2; 3].

Фронтовой путь А.И. Юхта оказался более протяжённым и насыщенным памятными событиями. В 1937 г., окончив рабфак, Александр Исаевич поступил на исторический факультет Ленинградского университета, окончание которого как раз совпало с началом войны. А.И. Юхт вступает в ряды народного ополчения, затем воюет уже в составе армейских частей и в звании сержанта становится командиром орудия. Он участвовал и в отражении танковых атак противника, и в поддержке огнём наступления нашей пехоты, за что был отмечен самыми почитаемыми у фронтовиков наградами – орденом Славы и медалью «За отвагу» [5. С. 274].

На сайте «Память народа» мне удалось найти выдержки из наградных документов А.И. Юхта. Представление к ордену Славы III степени обосновывалось следующим образом (орфография и пунктуация источника сохранены): **«В наступательных боях по ликвидации окруженной группировки в Прибалтике 21.12.44 года отличился своими боевыми подвигами сержант ЮХТ, находясь со своим орудием на прямой наводке в боевых порядках наступающей пехоты.**

Под непрерывным арт.мин.огнем противника тов. ЮХТ в течение суток неоднократно отбивал контратаки противника из орудия прямой наводки, тем самым дав возможность нашей пехоте удерживать достигнутый рубеж.

Производя стрельбу из орудия прямой наводки тов. ЮХТ лично наводя орудие в цель уничтожил до 20 немецких солдат и офицеров, 2 станковых пулемета и один ручной пулемет противника...»

А медалью «За отвагу» А.И. Юхт был награждён за то, что, «находясь в боевых порядках уточнил [расположение] 5 ячеек с автоматчиками, 2 станковых пулемета и 30 погонных метров траншей противника, которые были уничтожены и разрушены арт.огнем батарей дивизиона...».

Александр Исаевич был удостоен ещё одной медали «За отвагу» – «за то, что он за период отечественной войны, при выполнении боевых заданий, получил три ранения. Все возложенные боевые задачи им были выполнены» [16].

Трижды был ранен на фронте и Л.Н. Пушкарёв, и на войну он попал, тоже находясь в рядах народного ополчения –

но только не ленинградского, как А.И. Юхт, а московского. В ополчение Лев Никитич вступил, отказавшись от эвакуации, на третьем курсе филологического факультета Московского государственного педагогического института им. К. Либкнехта, предварительно поработав на строительстве оборонительных сооружений и досрочно сдав положенные для получения диплома о высшем образовании экзамены.

Военный путь Л.Н. Пушкарёва начался в октябре 1941 г. под Москвой, в защищавшей столицу 3-й Московской Коммунистической стрелковой дивизии Лев Никитич служил во взводе связи, а после того, как его дивизия влилась в состав кадровых войск, в феврале 1942 г. оказался на Калининском фронте под Осташковым, где принял свой первый бой. В течение целой ночи в 30-градусный мороз боец Пушкарёв, укрывшись в глубокой воронке, в одиночку отражал попытки немцев пройти по лесной дороге, несмотря на то, что они вели по нему интенсивный огонь из автоматов, пулемета и миномёта, пытались забрасывать гранатами и даже выпустили три снаряда из поставленной на прямую наводку пушки. Сам Лев Никитич был вооружён новинкой того времени – самозарядной винтовкой Токарева, отличающейся повышенной скорострельностью, и это ему, конечно, помогло держаться¹, но главной причиной победы, безусловно, явилось самообладание и мужество стрелка. Немцы потеряли в этом бою убитыми 11 человек, но и Л.Н. Пушкарёв вышел из него с ранением и контузией [7].

После госпиталя Лев Никитич воевал под Смоленском, участвовал в освобождении Белоруссии и Восточной Пруссии. Он был шофером в батальоне химзащиты, химлаборантом и поскольку знал немецкий язык, то ходил с разведчиками за линию фронта и периодически привлекался к работе переводчика. А в перерывах между боями, в свободное от служебных дел время бывший студент филфака Пушкарёв записывал фронтовой фольклор, благодаря чему через 50 лет после окончания войны вышло в свет капитальное исследование Льва Никитича, посвященное этой теме и высоко оценённое научным сообществом[10]. Свой боевой путь Л.Н. Пушкарёв закончил в 1945 г. под Штеттином в звании старшего

¹ В одном из документальных фильмов, созданных к 70-летию Победы, рассказ Л.Н. Пушкарева о своём первом бое был использован как раз для характеристики этого вида оружия.

сержанта, награждённым за подвиги орденом Красной звезды и медалью «За отвагу».

Все эти сведения взяты мною, главным образом, из «официальных источников», сами же герои моего повествования о своей фронтовой жизни рассказывали крайне мало. В неформальной обстановке они иногда вспоминали о войне, но, подобно большинству её участников, на эту тему не слишком распространялись. Иногда их всё же удавалось минут на пять «разговорить», и эти краткие рассказы существенно дополнили сведения, полученные по «иным каналам». Так, из однажды брошенной А.А. Преображенским фразы, я узнал, что до конца дней его мучила мысль о том, почему именно ему судьба позволила выжить в боях на Курской дуге, а его товарищи погибли. *«Понимаю, – говорил Александр Александрович, – моей вины в том нет, и всё же, всё же, всё же...».* И.А. Булыгин как-то обмолвился, что ему в годы войны *было очень жалко труженников тыла. «Им было тяжелее, чем нам», – считал Илья Андреевич, видимо, сравнивая прежде всего продовольственное снабжение на фронте и в тылу...*

Воспоминания А.И. Юхта были более конкретны. Помнится, он коснулся вопроса о «силе привычки» и признался, *что когда возвращаешься на передовую после долгого перерыва (из-за длительного пребывания в госпиталях и т.п.), то первое время боишься выстрелов и свиста пуль, но постепенно страх проходит, и ты снова воспринимаешь исходящую от противника опасность спокойно, как нечто обыденное.* Интересны были и сопоставления А.И. Юхтом поведения русских и немецких солдат во время фронтовых затиший. По его словам, *немцы без особой необходимости и головы не высовывали из-за бруствера, в то время как русские, чтобы долго не петлять по извилистым ходам, часто перебежали из одной траншеи в другую поверху, и только когда убьют кого-нибудь, эта беготня на какое-то время прекращалась.*

Вообще же, подчёркивал Александр Исаевич, *война – это главным образом тяжёлый труд: одной только земли сколько пришлось перелопатить за четыре года!.. Ведь как только мы где-то занимали позицию, так сразу начинали окапываться, рыть траншеи и делать блиндажи, потому что понимали: хочешь жить – зарывайся в землю...* (Это сразу мне напомнило аналогичную ситуацию из другой эпохи: в Сибири

XVII в. служилые люди на любой более-менее длительной остановке тоже спешили себя обезопасить, но только делали не окопы, а, наоборот, старались быстро соорудить на каком-нибудь возвышенном месте «крепь» или хотя бы «засеку» из поваленных деревьев).

В ответ на мои попытки побудить Александра Исаевича к написанию мемуаров он только отмахивался: *«Да не видел я на войне ничего особенного, любой фронтовик тебе расскажет то же самое...»*. Жаль, что не нашлось у меня времени и слов, чтобы убедить в обратном ни его, ни А.А. Преображенского с И.А. Булыгиным: они так и не записали свои воспоминания. Счастливым исключением в этом плане явился Л.Н. Пушкарёв: ещё в 1985 г. он опубликовал приведённый выше рассказ о своём первом бое, в 1995 г. – упомянутую выше книгу «По дорогам войны», а позднее появился ещё ряд публикаций с воспоминаниями Льва Никитича о войне [6; 8–12; 14]. Кроме того, в июне 1997 г. он дал пространное интервью Е.С. Сенявской – главному в нашей стране специалисту по военно-исторической антропологии и психологии. Запись этого интереснейшего во всех отношениях разговора выложена в Интернете [15].

У Л.Н. Пушкарёва, помимо чувства ответственности перед Историей и теми поколениями наших сограждан, которые имеют слабое либо искажённое представление о Великой Отечественной войне, было, по сравнению с коллегами-фронтовиками, важное преимущество – долголетие. Лев Никитич намного пережил их – скончался 18 ноября 2019 г. на сто первом году жизни. Они же ушли в мир иной гораздо раньше: Александр Исаевич Юхт – 14 марта 1995 г. в 77 лет, Илья Андреевич Булыгин – 5 июля 1996 г. в 73 года, Александр Александрович Преображенский – 11 сентября 2002 г. в 77 лет. Одному Богу известно, сколько ценнейшей информации о войне ушло с ними в могилу...

Здесь мы выходим на «проблему солдатских мемуаров» в целом. Она слишком поздно была осознана как самими участниками войны, так и научным сообществом. К.М. Симонов, наш выдающийся писатель и общественный деятель, хоть и сам был фронтовиком, но значение простых солдатских рассказов для сохранения правды о войне понял лишь незадолго до своей кончины (в 1979 г.), и те из них, что он успел собрать, составили ничтожную часть им же запланированного. С 1990-х гг.

проблема эта обострилась в связи с её политизацией и усилением идейного размежевания в российском обществе, выражающегося в том числе в упорном стремлении некоторых кругов к «дегероизации» нашего прошлого. Под фамилиями ветеранов стали издаваться «воспоминания», изображающие Красную армию в самом неприглядном виде, и они – без всякой проверки на достоверность – «на ура» встречаются той частью общественности, для которой, похоже, «правдива» лишь та история, которая очерняет Россию и её народ.

Что ж, это напомнило всем нам то, о чём мы в последнее время стали забывать: то, что и ветераны войны – вполне земные люди, что они, как и прочие смертные, бывают подвержены всем «страстям человеческим», депрессиям и переменам настроений, не говоря уже о провалах памяти и порой искажённом восприятии действительности. Мне, в частности, приходилось сталкиваться с участниками войны, которые спустя 50 лет после её окончания, вдруг стали обижаться на то, что их в своё время обошли со вполне, по их мнению, заслуженной наградой, и просили меня («как историка») помочь «восстановить справедливость». Вряд ли они могли дать объективные оценки всего, что было ими пережито в годы войны... И те «мемуары», которые очерняют советского солдата, на 90% расходясь в его изображении с услышанным мною в «неформальной обстановке» от других фронтовиков (вовсе не склонных к «приукрашиванию действительности»), заставляют либо усомниться в психическом здоровье их авторов, либо предположить наличие у них определённого «политического заказа»...

«Солдатские мемуары» (как и любые другие воспоминания) – источник, конечно, очень ценный, но вместе с тем и крайне субъективный. Как подчёркивал ещё в 2001 г. Л.Н. Пушкарёв, «основной источник мемуаров – память, явление в высшей степени несовершенное и своеобразное. Иногда запоминаются мелочи, а главное бывает безвозвратно потеряно. Память связана с эмоциональным восприятием события, а не с сюжетной его стороной. К тому же, записывая воспоминания о прошлом, мемуарист не в силах отвлечься от настоящего... И это создаёт сложности при использовании мемуаров...»[13. С. 131].

Главный путь к преодолению этих сложностей – привлечение к исследованию максимально большого числа

воспоминаний, с тем чтобы можно было сравнивать их по содержанию как между собой, так и с имеющимися в распоряжении историков документальными материалами. Современные технические возможности позволяют провести такую работу – был бы лишь в достаточном количестве «исходный материал». Большинство участников войны уже не может его предоставить. Но у них остались дети и внуки, которые, наверняка что-то слышали о войне от своих отцов и дедов. Пусть же они поторопятся запечатлеть хоть что-то из услышанного от них на бумаге или в компьютере и тем самым укрепят ту связь поколений, на которой держалась и держится наша страна.

Список литературы и источников

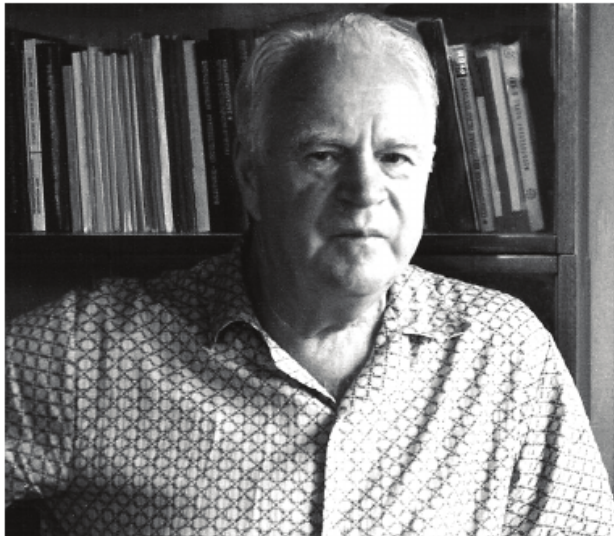
1. Дёмкин А.В., Никитин Н.И., Рогожин Н.М. Александр Александрович Преображенский (1925–2002): Ученый и гражданин //Связь веков: Исследования по источниковедению истории России до 1917 года. Памяти профессора А.А. Преображенского /отв. ред. А.В. Семенова. М.: РОССПЭН, 2007. С. 5–30.
2. Иванов В.И. Илья Андреевич Булыгин: ученый, педагог, патриот (к 90-летию со дня рождения) //Исследования по источниковедению истории России до 1917 г. Сб. статей к 90-летию профессора Ильи Андреевича Булыгина. М.: ИРИ РАН, 2016. С. 7–18.
3. Илья Андреевич Булыгин. Библиографический сборник /сост. В.И. Иванов. Краснодар: 1999. 22 с.
4. Никитин Н.И. Вспоминая об учителе...//Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2015. № 3. С. 85–95.
5. Преображенский А.А. Историк об историках России XX столетия. М.: Русское слово, 2000. 320 с.
6. Пушкарев Л.Н. Война глазами воина-добровольца //Волжский рубеж. Кострома. 1999. № 1. С. 73–75.
7. Пушкарев Л.Н. Мой первый бой в рядах 3-й Московской Коммунистической дивизии //В годы войны. Статьи и очерки. М.: Наука, 1985. С. 42–51.
8. Пушкарев Л.Н. Моя служба в 5 ОБХЗ //Волжский рубеж. Кострома. 2000. № 2. С. 39–45.

9. Пушкарев Л.Н. Письменная форма бытования фронтового фольклора //Этнографическое обозрение. 1995. № 4. С. 25–35.
10. Пушкарев Л.Н. По дорогам войны. Воспоминания фольклориста-фронтовика. М.: ИРИ РАН, 1995.
11. Пушкарев Л.Н. Сибиряки на защите Москвы в 1941 г. //Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001. С. 60–62.
12. Пушкарёв Л.Н. Сказка и война (Из наблюдений фольклориста-фронтовика) //Живая старина. 1995. № 2. С. 2–3.
13. Пушкарев Л.Н. Словесные источники для изучения ментальности советского народа в годы Великой Отечественной войны //Вопросы истории. 2001. № 4. С. 127–134.
14. Пушкарев Л.Н. Человек на войне //Этнографическое обозрение. 2000. № 3. С. 109–121.
15. URL: http://iriran.ru>files/Pushkarev_interviu.doc (Интервью с Л.Н. Пушкаревым. Дата обращения 03.04.2020).
16. URL: <http://pamyat-naroda.su>awards/45160695> (Выписка из наградных документов А.И. Юхта. Дата обращения 03.04.2020).

Приложение

Александр Александрович Преображенский

Илья Андреевич Булыгин

Александр Исаевич Юхт

Лев Никитич Пушкарёв